

Мое совершеннолетие решено было отмечать в «Юрас перле». По тем временам круче ресторана, пожалуй, не было. Была весна, вокруг знаменитого полукруглого здания у моря благоухали рододендроны...

Мы - я, мой любимый человек и его друг - садимся за столик. И тут на сцену выходит ОНА. Мужчины обо мне тут же забывают и, толкая локтями друг друга, с придыханием восклицают: «Смотри, смотри - Лайма!»

С того эпизода, слегка задевшею мое женское самолюбие, прошел уже не один десяток лет, нет больше «Юрас перле», засохли рододендроны.

А Лайма Вайкуле по-прежнему великолепна, красива, востребована публикой. Это доказал недавний ее концерт в Огре, ставший настоящим праздником, полным сюрпризов.

Самый неожиданный и очень приятный сюрприз был для самой Лаймы, когда после заключительной песни на сцену поднялись ее друзья молодости из знаменитой шоу-группы «Юрас перле». Музыканты прибыли в полном составе: Роберт Альбрехт, приехавший с семьей из Германии, Николай Шевченко, прилетевший из далекого Гонолулу (Гавайские острова, Гарик Макарян из Торонто, Канада, рижане Андрей Обижаев, Юрий Радченко, Евгений Пеньковский, Дзинтарс Сагенс и, само собой разумеется, Андрей Латковский. Из танцовщиц приехала только Инара Берзкалне.

За столиком в кафе в Старой Риге двое из шоу-группы «Юрас перле» - Николай Шевченко и Андрей Обижаев - рассказывают о себе и работе с Лаймой. В их словах сладкая грусть воспоминаний о чудесном коллективе, который был их большой и счастливой семьей.

Понятно, что от близких друзей певицы другого и не услышишь. Во всем этом уловить бы главное - какие события и обстоятельства сотворили такую личность, как Лайма, в чем секрет ее успеха и творческого долголетия.

Из большого спорта в шоу-бизнес

Первым «пытаю» Андрея Обижаева. В прошлом он чемпион Латвии по спортивной гимнастике, ныне тренер по гимнастике и специалист в области недвижимости.

- Как вы попали в команду Лаймы?

- В начале 80-х, когда я ушел из большого спорта, судьба меня свела с очень талантливым режиссером и постановщиком массовых мероприятий Таней Щегольковой. Она участвовала в разработке сценария Олимпиады-80 в Москве. Таня для меня и моей партнерши Тани Соловьевой поставила тематические номера с элементами акробатики. Это были не просто сальто и прыжки под музыку, это было законченное шоу на конкретную тему. Все продумывалось до мелочей - от музыки до костюма.

Костюмы для тех времен шились поистине фантастические: для индейского танца с

ритуальными движениями изготавливался головной убор с перьями, подбирались соответствующие аксессуары и делалась раскраска. Для ретрономера подбирались шляпки, туфельки, старомодный купальный костюм. А в современном танце мы блистали в серебристых «космических» костюмах...

Мы сразу завоевали успех и начали зарабатывать. Нас заметил художественный руководитель «Юрас перле» Марк Гурман и пригласил в коллектив, где уже работала Лайма. Тогда она еще не была известна широкой публике, но в Юрмале ее уже знали. Свои номера она всегда ставила сама. Ее новшеством было то, что она впервые в Советском Союзе вышла с подтанцовкой.

- Мне довелось несколько раз видеть Лайму на репетициях, сложилось впечатление, что она очень требовательная, жесткая. Много лет назад она была такой же?

- Ну вот, и вы о том же, - с укоризной сказал Андрей. - Холодная, резкая и жесткая - такая Лайма для тех, кто ее не знает. Да, она очень требовательная, но прежде всего к себе, а по сути она очень мягкий и добрый человек. Лайма просто четко знает, что ей надо и как этого добиться. При этом у нее фантастическая работоспособность.

Как-то мы работали в Ленинграде, в гостинице «Прибалтийская». В то время вошла в моду аэробика. Лайма разработала свой комплекс упражнений. Однажды утром я заглянул в спортзал, где занимались Лайма и наши девушки-танцовщицы. Лайма улыбнулась мне и предложила присоединиться. Через 10 минут я, хотя и спортсмен-гимнаст, выдохся. А они продолжали пахать.

За эти годы ритм работы Лаймы не изменился. Она в постоянном творческом поиске, в новых идеях самовыражения и своего неповторимого стиля.

- В то время вы вели богемную жизнь. Ресторан, ночные выступления, девушки, популярность... На фоне этого какая была атмосфера в коллективе, вас сотрясали интриги, конфликты?

- Были споры, как и в любом рабочем процессе. Но мы были очень дружны, стали такой единой и сплоченной семьей. В то время не было столько интриг и грязи, как в нынешнем шоу-бизнесе. Мы всегда вместе отмечали праздники, дни рождения, выбирались в горы, на пикники, где великолепный шашлык готовил для нас Гарик Макарян, а незабываемый плов творил Роберт Альбрехт...

После концерта в Огре мы все собрались за столом и вспоминали то время. И все, в том числе и Лайма, признали, что совместная работа в шоу-группе, полная молодого азарта и энтузиазма, была очень счастливой.

Николай - гость из Гонолулу

- Сколько лет вы не были в Латвии, Николай?

- 18.

- И за эти годы ни разу не встречались с Лаймой?

- В Латвии не встречались, но у нас были встречи в Америке. Несколько лет назад Лайма вместе с мужем Андреем Латковским и сестрой Яной встретились со мной в Гонолулу.

- И как же вас занесло так далеко?

- В коллективе Лаймы я проработал около пяти лет, был пианистом. Отмечу, что под «фанеру» мы не работали. В то время ценилась только живая музыка. Иногда я писал тексты для песен, которые Лайма выбирала для своей программы. К тому же я писал свои песни и занимался аранжировкой.

В середине 80-х немецкая студия звукозаписи в Западном Берлине «Тритон» предложила мне контракт, и я уехал в Германию на год. Там же началось сотрудничество с известной рок-певицей из Германии Мико. Был записан ее новый CD - альбом с моими и ее песнями.

Следующий контракт последовал из Америки. Переехал в Лос-Анджелес. Мой шеф выступил в качестве моего спонсора при оформлении грин-карты, которая давала мне право на постоянное проживание и работу в Америке. Потом жил в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Лас-Вегасе и Сан-Франциско.

Но однажды я попал в Гонолулу - город в одном из штатов на Гавайских островах. Вышел из самолета, увидел аквамариновый океан, буйство благоухающей природы, белоснежные облака на вершинах голубых гор и понял, что это рай на земле, который я долго искал. И вот уже 18 лет как я там живу.

Я родился в Калининграде, потом с родителями переехал в Ригу, жил на улице Карла

Маркса (ныне Гертрудес. - **Прим. авт .**). После получения американского гражданства мои родители переехали ко мне в Гонолулу. Поэтому приезжать в Латвию не было особых причин, кроме как увидеть своих старых друзей.

- Узнали прежнюю Ригу спустя почти 20 лет?

- Особенно меня впечатлили изменения в Старой Риге. Да и в целом город стал намного красивее и лучше, а люди, к сожалению, хуже. Раньше они были приветливее. В самый первый день приехал в Старую Ригу. Решил сделать фото и попросил проходящую мимо девушку меня сфотографировать. Она отвернулась и ушла. Попросил вторую девушку - то же самое. В Америке я от такого уже отвык. Люди очень благожелательные, улыбаются в ответ... Меня обеспокоила ночная жизнь в Риге. Машины носятся по узким улицам Старой Риги с опасной скоростью. А полиции не видно.

- А как вам концерт в Огре?

- Концерт был великолепный, и такое количество публики меня очень вдохновило. Понравилась атмосфера на эстраде. Ну а Лайма отработала, как всегда, профессионально - полная самоотдача, утонченность вкуса и стиля, что ее всегда отличало. Я знаю, что, несмотря на успех, она не останавливается на достигнутом, снова идет дальше в своих творческих поисках.

- И все же, как закалялась сталь, почему она стала тем, кем стала?

- На пути к успеху у Лаймы было очень много препятствий. Поначалу ей всячески мешали и ставили палки в колеса. В советское время существовала организация РЕКО (Рижское эстрадно-концертное объединение), которая осуществляла надзор и цензуру в нашей концертной программе. Возглавлял РЕКО чиновник, фамилию которого я уже не помню. Что-то созвучное «Иуде». Так вот этот «иуда» жутко невзлюбил Лайму, то ли зависть, то ли еще что-то. Он зарубал на корню все ее идеи - «музыка не годится, а это нельзя, и это нельзя».

Представьте, Лайма полгода ставит программу. Мы собираемся где-то в подвале, репетируем днями и ночами. Причем все на голом энтузиазме, в надежде, что вот-вот начнем работать и зарабатывать. А у многих тогда уже были семьи, дети. Номера готовы, но они не проходят, так как там было мало «советского».

Другой человек на месте Лаймы впал бы в отчаяние, опустил руки. Но она продолжала идти вперед. И вот тогда-то, на мой взгляд, и начала рождаться певица и человек с огромным чувством ответственности перед своими друзьями, перед семьей. Все эти годы она шла по жизни только накапливая и ничего не теряя.

Она как цемент. Все цементирует вокруг себя: друзей, которых за долгие годы она не растеряла, их круг только растет, крепкую семью на фоне громких скандалов и разводов у многих звездных супругов.

- А когда начался прорыв?

- Слава варьете Лаймы Вайкуле все росла. Москвичи специально прилетали на выходные, чтобы посетить «Юрас перле». У Лаймы появились поклонники в Москве, нас пригласили выступать в очень престижном месте - центре международной торговли «Хаммера». А потом нас завалили приглашениями выступать в самых разных городах Советского Союза. Ялта, Сочи, Дагомыс предоставляли для нас самые престижные сценические площадки. Можно было почивать на лаврах, но этого Лайме было мало - она поступила в ГИТИС, а затем началась ее звездная сольная карьера.

- Скажите честно, вы были влюблены в Лайму?

- К сожалению, мы опоздали. Когда я и Андрей пришли в коллектив Лаймы, с нею уже был Андрей Латковский. Это шутка! Я любил и люблю Лайму искренне как моего наилучшего друга, как часть моего счастливого прошлого.

...Через несколько дней после интервью Николай Шевченко прислал из Гонолулу фотографию. Фотография, на мой взгляд, уникальна. Лайма здесь без маски. В

окружении близких друзей и любимого мужа. И все понятно без слов. Даже не нужны сотни страниц интервью, чтобы понять, что Лайма - это любовь и счастье, выстраданное и заслуженное.

Наталия Кетнере, 2007 г. Фото из архива Н. Шевченко и А. Обижаева